

ТЕОДОР ШАНИН (1930–2020): *in memoriam*

ТЕОДОР ШАНИН И БОЛЬШОЙ КРЕСТЬЯНОВЕДЧЕСКИЙ ПРОЕКТ 1990–1995 ГОДОВ ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКА

Илья Штейнберг

Все, что я слышу от коллег, читаю в статьях и вижу в видеоинтервью и даже фильме о Теодоре Шанине, говорит о том, что это был необыкновенный человек. Только необыкновенный человек может сделать невозможное возможным, потому что для него, как он сам говорил, «невозможного нет, есть только трудное». На прощании с Теодором его коллеги, ученики, друзья много говорили о том невозможном, что ему удалось сделать за свою жизнь. Я бы хотел поделиться своими наблюдениями касательно случая, где Теодор столкнулся с задачей, казавшейся настолько трудной, что ее невозможно было решить теми способами, которыми планировалось вначале. Впрочем, эта трудность стала не поводом для закрытия проекта, а началом поиска новых возможностей ее решения. Это был ставший уже легендой крестьяноведческий междисциплинарный проект, где исследователи в течение трех лет находились в российских селах, а потом в тече-

ние пяти лет занимались анализом собранных данных, писали статьи и монографии, участвовали в конференциях. Такая долговременная экспедиция, как теперь я стал понимать, являлась естественным и нормальным для серьезной научной работы форматом исследования и удивительной школой в научном и человеческом смысле для всех ее участников.

Мое первое впечатление от встречи с Теодором вызвало гамму разнообразных чувств, ведущими из которых были изумление и растерянность. Это был наиболее свободный человек из тех, кого я встречал, обладающий кантианской «автономностью мышления» как «мужеством пользоваться своими мозгами». С первых минут общения с ним стало понятно, что он хочет, чтобы и мы пользовались своими. Я до встречи с ним никогда не чувствовал себя свободным в этом смысле, в лучшем случае мог ощутить себя «временно расконвоированным», потому что всегда, когда делал шаг в сторону, находился кто-то, кто пытался загнать меня обратно в строй «призраком кнута и иллюзией пряника».

Вот обстоятельства этой первой встречи с Шаниным. 1989 год, подмосковный дом отдыха «Березки». Теодор рассказывает нам, приглашенным из разных исследовательских институтов и вузов, о замысле крестьяноведческого проекта. Говорит о возрождении школы ученых-аграрников, особенно Александра Чаянова, упоминает неизвестные мне имена основателей организационно-производственной школы Николая Макарова, Семена Маслова, Александра Челинцева, рассказывает о динамических исследованиях, о земской статистике, об этнографическом живании в сельскую среду, где нужно стать почти незаметным, «как муха на стене», о том, что в каждом селе мы должны провести полный цикл сельской жизни, с апреля по апрель, и т. п.

Мы молча слушали. Вдруг Теодор останавливается и задает вопрос: «Коллеги, я не пойму что происходит. Почему вы не спрашиваете меня, зачем мы это будем делать?». Мы пожимаем плечами и отвечаем, что нам понятно, зачем: «Под Вашим руководством проведем это большое и важное исследование, напишем научно-практические рекомендации для повышения производительности труда в сельском хозяйстве, улучшения сельского образа жизни» и прочее. «Кому рекомендации?» – тихо спрашивает Теодор. «Как – кому? Понятно, Министерству сельского хозяйства, Госплану, отделу ЦК партии, правительству». «То есть для чиновников?» – уточняет Теодор. Почему-то тогда товарищи из этих институций не ассоциировались со словом «чиновник», и мы недоуменно переглядывались: чего хочет от нас этот бритый наголо англичанин. «Нет, коллеги, – говорит он, – мы это делаем, чтобы найти истину. Понять, как это все устроено, как работает». Это было для меня откровением, потому что всегда моей целью были рекомендации для «подъема народного хозяйства», а моими задачами – изучение «социально-экономических проблем», а здесь наоборот: цель – истина, а рекомендации – одна из задач, причем не главная. Потребовались долгие три года работы с Теодором, чтобы у меня стали пробиваться ростки этой свободы. Я стал замечать, что иллюзия пряника и призрак кнута больше не действуют на меня так, как раньше, и стал «откалывать» такие вещи, что сам не верил, что это я делаю. Наверно, стал свободный изнутри и – главное – это стало мне нравиться.

Каким был Теодор как руководитель проекта? Здесь его стиль отличался от всех виденных мною раньше. У меня были начальники, которые главным считали успех дела и не щадили во имя этого ни нас, подчиненных, ни себя. Были те, для кого главным был лишь собственный успех в этом деле – таковые не щадили ни нас, ни само дело. Теодора же, как мне казалось, больше всего заботил успех нас самих в этом деле. Конечно, успех дела был важен. Связь имени Теодора с успехами проекта тоже была важна, но все это казалось средствами, чтобы вывести нас на более высокую орбиту. Наверное, такое ощущение возникало из свойственной ему манеры общения, которую он называл почему-то «британской вежливостью», а вежливость считал методом исследования. Я до этого тоже встречал вежливых людей – и даже англичан, но его вежливость была особого рода. Она была продолжением, внешним проявлением внутреннего достоинства этого человека. Ведь другие тоже могут быть вежливыми, но их приятные манеры не более чем обертка для далеко не ангельских качеств личности, что очевидно даже при коротких контактах с ними.

Теодора часто сравнивают с ледоколом, в кильватере которого «мы шли, не ведая преград». Это не совсем так. Когда я всерьез занялся применением метода «длинного стола» в наших исследованиях, написал целый параграф в монографии, следуя его подходам и идеям, он стал вежливо меня отправлять «пробивать лед» своим путем. Делал он это так. Я делился с ним своими находками, приглашал на свои «длинные столы», которые проводил в Шанинке и на «кухтеринских курсах» в Институте социологии РАН (сейчас Научно-образовательный центр), и всегда получал поддержку почти всем своим «инновациям». Даже когда я уходил слишком далеко в область упражнений и тренажеров по развитию неспецифических и специфических навыков полевого исследователя, Теодор поддерживал меня, говоря о том, как это важно и как этого не хватало в наших прежних «длинных столах». А когда как-то раз я амбициозно заявил, что моя мечта – сделать из «длинных столов» что-то аналогичное системе Станиславского, но для полевых исследователей, а не актеров, то он очень воодушевился и потом часто спрашивал о прогрессе этой затеи.

Вот в этом, мне кажется, его наиболее сильная сторона как человека и как ученого. Люди, цели которых намного больше их самих, необыкновенно притягательны. Сужу по одному случаю. Однажды он спросил, что я думаю по поводу своего участия в сельских проектах после пяти лет поля. Я ответил, что многому научился, стал больше понимать, что я делаю и зачем. Он заулыбался и спросил что-то вроде того, насколько я этим доволен и что дальше буду делать. Я сказал, что у меня есть чувство, которое, наверное, переживают космонавты, готовившиеся к полету, но так и не полетевшие. Улыбка исчезла с его лица. Я увидел совсем другого Теодора, так выглядят люди перед лицом реальной угрозы. Он весь напрягся, превратился в слух и не отрываясь смотрел мне в глаза. Было видно, что я задел большую тему.

История была такая. Где-то в середине наших сельских экспедиций на одном из «длинных столов» Теодор сообщил, что есть договоренность с президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина Александр-

ром Никоновым, который всячески поддерживал Теодора и его проекты, о создании при академии института имени Чайнова с целью возрождения и развития славных традиций русской школы ученых-аграрников, а мы станем кадровым ядром этой институции. Идеи Никонова были очень созвучны замыслу нашего проекта и тому, что мы уже наблюдали в полевых экспедициях начала 1990-х. Помню сильно впечатлившую меня статью академика в газете «Крестьянская Россия» под названием «Нельзя построить государство на обнищании граждан» (название взято из работы «Книга о скудности и богатстве» первого отечественного ученого-экономиста Ивана Посошкова). В ней был продемонстрирован трезвый взгляд на происходящее, он опирался на работы исследователей аграрного вопроса в России XVII–XX веков, что было отличительной особенностью и нашего проекта. Однако после трагической гибели Никонова в 1995 году эта тема более не обсуждалась. Второй попыткой «выхода в космос» была идея Всероссийского мониторинга аграрных реформ по методикам, которые мы разработали в наших проектах с опорой на традиции земской статистики. Этой идеей заинтересовался Егор Строев, на тот момент Председатель Совета Федерации. Мы даже стали готовить предложения для этого дела, но вдруг Строев попал в опалу и был назначен губернатором Орловской области. Старт отменили.

Помню, Теодор задал мне всего один вопрос: «Ты действительно считаешь себя “космонавтом, который не полетел”?». Я ответил, что нет, потому что неудачные старты неизбежны, главное – что мы можем и хотим продолжать и продолжаем. Он ничего не ответил, только коротко кивнул, и разговор вернулся к теме текущего проекта.

Говоря о сельских проектах Теодора, невозможно обойти вниманием его подход к формированию рабочей группы проекта и оригинальный способ подготовки исследователя в процессе производства самого исследования, который в дальнейшем оформился в метод «длинного стола». Мне кажется, что «длинный стол» появился спонтанно под влиянием сложившихся обстоятельств. Во-первых, исследование уже стартовало, но исследователей, которые бы могли решать поставленные задачи междисциплинарного характера, не было. За один стол в 1990 году для обсуждения целей и задач проекта сели одновременно около 20 человек. Это были экономисты, социологи, психолог, географ, историки, филолог. Все с различным опытом полевой работы и слабым представлением об этнографических методах исследования, где в центре стоит «вживание» исследователя в поле; не у всех были навыки работы с бюджетом семьи, бюджетом времени, представления о методах наблюдения, биографического интервью и прочее. Нужно было не только ликвидировать дефицит навыков использования методов различных дисциплин, но и преодолеть пробелы в знании мирового опыта в исследованиях социально-экономических проблем села и конкретно основ крестьяноведения.

Тем не менее, наша недостаточная подготовка как исследователей не была единственной причиной для появления «длинного стола». Главной причиной, на мой взгляд, была политическая и социально-экономическая ситуация – начало социальной аномии «лихих девяностых». Мы, по его выражению, «начали экспедиции в СССР, а закончили в РФ». В ситуации галопирующей инфляции, дефицита

всего необходимого для нормальной жизни, начала имущественного расслоения населения, перехода в частную собственность земли и имущества колхозов и совхозов, беспомощности закона, проникновения в обычное право криминальных понятий и так далее, динамические исследования и другие инструменты, предлагаемые Теодором Шанином в начале проекта, не могли быть применены. Нужно было переходить «на ручной режим», действовать по обстановке, проявлять максимальную самостоятельность и гибкость в подходах на местах и создавать новый инструментарий исследования, который был бы адекватен не просто «текущей реальности» Зигмунда Баумана, а бурному яростному потоку, который захлестывает все, когда вода прорывает плотину. В нашем случае плотина называлась «застоем», а поток – «перестройкой». Этот мутный поток ослаблял социальные связи между родственниками и друзьями, размывал прежние ценности, нормы и традиции. Мы увидели жизнь, где ускорилось материальное расслоение и процессы происходили с огромной разницей в разных слоях населения, а приток сельчан в города превысил все, что мы могли себе представить. Мы стали свидетелями стремительного появления новых богатых и новых бедных, при котором их прежний статус, возраст, опыт, образование не имели решающего значения. В этом невероятном поле мы столкнулись с полной неопределенностью, причем не только будущего, но настоящего и даже прошлого.

Думаю, что все эти обстоятельства определили формат наших встреч за «длинным столом». Как правило, они состояли из трех частей: 1) мини-лекция от Теодора по методологическим вопросам исследования или сообщения коллег по специфическим вопросам теоретического или методического характера; 2) отчеты рабочих групп проекта по местам их дислокации; 3) «профсоюзное собрание», где обсуждались технические и бытовые вопросы организации экспедиции. После «длинных столов» Шанин проводил индивидуальные беседы с каждым участником проекта по личным вопросам.

Сегодня у меня есть все основания полагать, что главное, чему нас научил «длинный стол» Теодора Шанина, – это работа с неопределенностью. Можно было наблюдать, как от встречи к встрече за «длинным столом» не только росла квалификация участников как исследователей, но – главное – изменялся способ мышления. Потому что научиться исследовать неопределенность, принять ее как отправную точку исследования можно главным образом за счет сдвига собственного способа мышления от укорененной в сознании привычки рассматривать жизнь как линейный процесс, как цепочку причинно-следственных связей, игнорируя циклические взаимосвязи глубоких системных отношений. У Теодора Шанина это выражалось в последовательном отстаивании двух основных принципов работы «длинного стола» в формировании «нелинейного способа мышления»: «ни у кого нет монополии на истину» и «иное всегда дано», означающих циклический характер освоения навыков, с помощью которых получают научное знание, то есть возврат к полученным в исследовании знаниям на новом уровне, постоянный поиск альтернативных способов решения исследовательских задач. Такой сдвиг в способе мышления не достигается набором обучающих технологий, суммой знаний о предмете исследования и методах его изучения и даже практическими навыками

сбора и анализа эмпирических данных. Спустя много лет после окончания этого проекта, когда я сам стал проводить «длинные столы», я осознал, что то, что я делаю, является заявкой на создание обучающей системы, учитывающей фазы полного цикла исследования. Это действительно своего рода система Станиславского, где из искусства выделяются элементы ремесла, которые можно освоить. Однако это только необходимая база для полевого исследователя. Далее следуют другие фазы цикла его подготовки для работы в поле и сама полевая работа, а также анализ и представление научному сообществу результатов исследования, затем возврат к замыслу исследования, его переосмысление, рождение нового замысла, новых гипотез. Исследование – как дорога с двухсторонним движением. И начало создания этой системы, которую сегодня называют «школой-студией исследователя-качественника по методу “длинного стола”», заложено в далеких 1990-х британским ученым Теодором Шаниным.

ТЕОДОР ШАНИН (29 ОКТЯБРЯ 1930 г. – 4 ФЕВРАЛЯ 2020 г.)

Григорий Юдин

Теодор Шанин ушел 4 февраля 2020 года после продолжительной болезни – то есть зная, что ему предстоит уйти. Поэтому у него было время закончить то, что он считал необходимым, и в частности – подробно рассказать удивительную историю своей жизни. Он сделал это в серии бесед с лучшими интервьюерами страны, главная из которых издана Александром Архангельским в проекте «Несогласный Теодор». Эта самая полная биография, рассказанная самим героем лишь год назад, лишает смысла перечисление основных точек его жизненного пути. Зато благодаря предусмотрительности Теодора можно сделать то, чего он требовал всегда – немедленно перейти к делу.

Заключительная часть жизни Теодора прошла преимущественно в России, и его не стало в Москве. В отечественной социальной науке хорошо известен организационный вклад Шанина – институционализация крестьяноведения как отдельной дисциплины; основание Интерцентра, одного из нескольких мобильных исследовательских центров, где возникала новая социология в середине 1990-х; запуск международного симпозиума «Куда идет Россия?» («Пути России»); и, наконец, создание Московской высшей школы социальных и экономических наук, которая сначала неформально, а потом и публично стала называться по имени своего основателя. Все эти проекты объединены общей концепцией – стремлением сделать российскую социальную науку важной частью глобальной социально-гуманитарной академии. Однако за ними стоит твердый, исторически аргументированный и последовательный взгляд Шанина на Россию – на страну, с которой жизнь связала его с малых лет.

Шанин конструктивно противостоял тем двум взглядам на российскую историю, которые основательно закрепились на уровне здравого смысла и зачастую подминают под себя российскую политику. Это, с одной стороны, взгляд на Рос-

сию как догоняющую западноевропейские общества на торной дороге развития, а с другой – превознесение особого пути, который отличает Россию от все тех же западноевропейских образцов. Для него это два варианта одного и того же заблуждения – веры в то, что мы являемся только пассажирами истории и движемся по предначертанному не нами пути.

Ключевой для Шанина является идея постоянно присутствующей альтернативы – иного пути, который всегда близко, всегда рядом. История России вписана в общеевропейскую тенденцию, однако вписана в нее не как «догоняющее развитие», но как ключевой элемент, без которого саму эту тенденцию нельзя помыслить. Конечно, ощущение себя пассажиром второго класса удобно тем, что позволяет смириться с собственной пассивной ролью, но оно пагубно – ведь в действительности ты с этой уверенностью в собственной незначительности находишься у руля и все время пропускаешь возможность изменить ход всего поезда. И точно так же рулевым никогда не может осознать себя тот, кто озабочен лишь тем, чтобы не повторять чьего-то чужого курса.

Интерес Шанина к России связан прежде всего с тем, что это чувство альтернативы в России можно испытать особенно остро. Предмет исследований Шанина, крестьянство – «неудобный класс», – это символ такой альтернативы. Крестьянство постоянно мешало линейным (в первую очередь – марксистским) представлениям об историческом прогрессе. Не отказываясь от общей марксистской рамки социологического анализа, Шанин не принимает ее детерминизма. Поэтому крестьянство в его исследованиях предстает неклассифицируемым элементом, который не уместается в схему и заставляет взглянуть иначе на саму схему, обнаруживает возможности, которые изнутри схемы не видны. Ту же роль играют и другие «побочные» элементы тенденции, которые приковывают внимание Шанина в российской истории: народовольцы как альтернативные революционеры и виртуозы популистской политики, Александр Чаянов как альтернативный экономист и автор органического понимания хозяйства, революция 1905–1907 годов как альтернативный сценарий развития страны.

Политический проект Шанина прямо вытекает из требования не отсекал эти побочные ветви, не игнорировать их лишь потому, что они не укладываются в господствующую линию. Шанину близка идея социально-экономического баланса, предложенная поздним Карлом Поланьи: человеческое общество и хозяйство могут быть устойчиво интегрированными, только если держатся на комбинации разных принципов. Война «плана» и «рынка» не имеет смысла: и свободная конкуренция, и централизованное перераспределение, а также реципрокные, неформальные, «эксполярные» структуры обмена – все это необходимые элементы человеческой жизни, и жертвовать ради одного из них остальными означает заведомо исключать закрывать альтернативы.

С опорой на эту концепцию Шанин резко выступил в 1990 году в журнале «Коммунист», предчувствуя, что один вид линейного редуционизма вот-вот сместится в России другим. И причина этого – именно в искаженном образе «западного» общества, будто бы основанного на власти свободного рынка. Шанин назвал то, что предстояло России, «сталинизмом наоборот», имея в виду тот же отказ от

сохранения и сочетания альтернатив. Его предложением было свободное комбинирование разных экономических и социальных форм, оставляющее свободу для самоорганизации, подстройки и коррекции. В России он видел исключительную возможность для реализации этого проекта – вероятно, даже более широкую, чем в Европе.

Та же программа легла в основание его собственной повестки в российском образовании. Базовой ориентацией МВШСЭН стало сочетание лучшего из британской и российской систем образования. Как проектировщик университета и как руководитель Теодор показал удивительное умение совмещать очень разных людей, разные проекты и идеи, веря, что именно их комбинация делает университет сильнее. В этом организационном принципе секрет устойчивости созданных им структур.

Российская социально-гуманитарная наука по-прежнему мечется между позой «примерного ученика», стремящегося во что бы то ни стало догнать старших, и позой «своенравного ученика», обиженно заявляющего, что ему никто не указ. Оба этих сомнительных варианта сходятся в том, что не нам выбирать, куда история науки пойдет – нам остается лишь идти вслед за ней либо прочь от нее. Нетрудно увидеть, что оба варианта просто воспроизводят все тот же безнадежный спор между двумя пассивными, безальтернативными взглядами на историю.

Ответ Теодора Шанина – это ответ «включенного наблюдателя», обладающего привилегией взгляда со стороны и в то же время вложившего в Россию последнюю треть своей длинной жизни. Его ответ – это отказ от предопределенности и неизбежности. «Пока существует выбор – есть надежда. Пока есть надежда – люди ищут правду, мечтают о лучшем мире и борются за него. Пока люди ищут, мечтают и борются, есть надежда»¹.

¹ Теодор Шанин, *Революция как момент истины* (М.: Весь мир, 1997), с. 484.